

Философия путешествий, общение с местностью и «ландшафтная аналитика»¹

«Одушевленный ландшафт» / Ред.-сост. А. С. БЕЛОРУСЕЦ, С. В. БЕРЕЗИН. СПб.: АЛЕТЕЙ, 2021. — 260 С. ISBN 978-5-00165-234-2

Михаил Немцев

Старший научный сотрудник Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошколы), Тюменский государственный университет.
Адрес: ул. Пржевальского, 37, корп. 1, Тюмень, Российская Федерация, 625053
E-mail: nemtsev.m@gmail.com

Философские рассуждения о путешествиях легко превращаются в анализ мышления и самосознания путешественников. Однако философия путешествия не должна отвлекаться от земного (физического) пространства. Принципиальное и важнейшее свойство путешествия состоит в аффективном взаимодействии с местностью, которое может быть понято как особый вид общения, и представляет собой эмпирическую базу для осмысления путешествия не только как исследовательского метода, но и как метода самопознания. В статье рассматривается сборник, где разносторонне описан такой опыт использования путешествий в психотерапии. Расширенное представление о «путешествии» позволяет переосмыслить роль аффектов в исследовании культурных ландшафтов. Они оказываются способными проявлять своеобразную активность, обращаясь к путешествующим и производя в тех особые, лично ценные переживания (например, аффект топофилии).

Ключевые слова: аффект, аффорданс, «ландшафтная аналитика», культурный ландшафт, путешествия, топофилия, философия путешествия

Путешествия сыграли свою огромную роль в развитии знания, однако совершенствование транспортных технологий постепенно их упростило и лишило той роли, какую они играли столетиями. Как можно философски мыслить «путешествие»? Теперь, когда почти никто *не должен* путешествовать? Если путешествия в старом стиле, со всматриванием в пересекаемую местность — это сегодня всего лишь необязательный личный выбор?..

Философские рассуждения о путешествиях легко уходят в анализ мышления и самосознания путешественников. Казалось бы, само перемещение в пространстве, благодаря которому «путешествие» и открывает возможности для уникального опыта, должно быть предметом внимания. Однако «перемещение» зачатую образует в философском анализе путешествий фигуру, а пространство, где оно происходит, превращается в фон. Местность, где путешествуют, становится чем-то вроде предлога для внутренних событий.

---

1. Работа написана при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири». Опубликовано в рамках программы «Университетское партнерство».

Поэтому не удивительно обнаружить в работах, посвященных «философии путешествия», исследования путешествий философов. Конечно, путешествовать — значит удовлетворять собственную любознательность, но философия и подразумевает удовлетворение познавательного интереса, а потому так привлекательна фигура философа-путешественника (Thomas, 2020; Назаров, 2016).

Однако настоящий интеллектуальный вызов философии путешествий состоит именно в сосредоточении на материальной стороне: это поверхность земли — всегда конкретная местность, это тело путешествующего и их взаимодействие. Путешествие может иметь исследовательские, эстетические, рекреационные или другие цели, однако в его основе всегда материальный процесс. Так что путешествие — торжество эмпиризма (Немцев, 2021: 94), оно постоянно возвращает к взаимодействию с пространством, иногда радостному, иногда травмирующему, непредсказуемому.

Поэтому философия путешествия должна быть эмпирической и материалистической. Как только она отвлекается от земного (физического) пространства, скажем, развивая некую генеральную идею путешествия «вообще», она перестает быть именно философией путешествия. Ведь тогда она больше уже не может мыслить этот материальный процесс взаимодействия². Мыслить только «путь» недостаточно. Материальность пространства фундаментально определяет различие между движением в пространстве — и, скажем, каким-либо воображаемым «странствием». Пространство (воз)действует на путешествующих, и это воздействие, то есть именно материальность путешествия, и должно быть предметом осмысления в философской теории путешествия. Ее феноменологическую базу предоставляют любые эмпирические дисциплины, имеющие дело с материальностью земного пространства. В частности, особенно важны гуманитарная география и краеведение, поскольку в них путешествие остается необходимостью в силу их специфического исследовательского метода (Немцев, 2021).

Сборник «Одушевленный ландшафт», о котором речь пойдет ниже, интересен прежде всего тем, что в нем встречаются представители профессий, обычно мало соприкасающихся: географы (специалисты по «ландшафту») и психологи (зая-

---

2. Так, например, А. Н. Иванова ставит перед собой задачу «объединить в философском определении “путешествия” все возможные варианты передвижения человека — как в физическом реальном мире (“внешние” географические), так и во внутреннем пространстве его личности и трансцендирования за ее пределы (“внутренние” метафизические)» (Иванова, 2015: 51). При этом она вводит очень широкое понятие «путешествования» как процесса «покидания на время чего-то хорошо известного и понятного ради попадания во что-то, до тех пор неизвестное и незнаемое» (Там же). В таком определении теряются внешние обстоятельства движения покидания и возвращения, то есть само то пространство, благодаря которому это движение возможно. В предложенной ею в статье классификации, кроме таких путешествий, как «открытие новых земель», «этнографического», «эко-природного» и других пространственно детерминированных, появляются «сновидения», «поиск себя» и пр. В итоге путешествие, понятое как реализация «потребности в самотрансценденции», превращается в универсальную метафору почти любой культурной практики. Но зачем тогда говорить именно о «путешествии»?..

тые «душой»). Чтение этой книги позволяет войти в область исследований и работ еще только формирующуюся, со смутными дисциплинарными признаками и очертаниями. Их предмет — индивидуальные переживания пространства. Метод — физическое перемещение в этом пространстве при особом внимании именно к этим переживаниям. В сборник включены как академические статьи, так и очерки в свободной форме — наблюдения над разными взаимодействиями с географическим пространством.

География играет свою незаменимую роль в нашей жизни, но часто об этом легко забывается. Так, место встречи профессионального психотерапевта с учениками и клиентами имеет географическую локацию, однако этот тривиальный факт не оказывает влияния на их отношения, когда дело происходит в современной урбанизированной техносреде. Авторы «психотерапевтической» части сборника предлагают выйти из города, туда, где данные в ощущениях особенности окружающего пространства могут сыграть свою особую, специальную роль в психотерапевтической работе.

Выйдя из города на простор, психотерапевты и участники их сессий оказываются в какой-то местности, где можно присмотреться к своим ощущениям. Эта географическая локация обретает индивидуализирующую или же, в других случаях, типизирующую конкретность. Само взаимодействие с этим пространством — ландшафтом — производит специфический психологический эффект. Путешествующие могут испытать весьма нетривиальные аффекты. Авторы сборника предлагают обратиться к их анализу. Для этого и предлагается «*ландшафтная аналитика*». «Ландшафт» здесь не предмет, а инструмент анализа, и в каком-то смысле даже и субъект анализа. Предавшись этому анализу, мысленно отправившись куда-то «в поля», психотерапевты «встречаются» там с исследователями пространства, с географами, которые тоже осваивают эту местность, путешествуя сквозь нее.

Географ-путешественник превращает самого себя в инструмент познания. Причем речь должна идти обо всем теле как рабочем инструменте. Тела движимы аффектами, влияют на познание также настроения и другие телесные черты или особенности, не осознаваемые и самими путешествующими (Немцев, 2021). И для их осознания нужна экспериментальная ситуация. Таковой является практика путешествия. Это предрасполагает увидеть в «путешествиях», кроме исследования некоторой местности, особый метод самопознания.

В работах сборника целенаправленное перемещение в пространстве — прогулка или путешествие рассматриваются как бы в двух модальностях: либо с преимущественным интересом к местности, либо к самому себе. Вопрос о том, как их сочетать и нужно ли их сочетать, особенно важен в контексте большого «аффективного поворота» в социальных науках, благодаря которому «социология эмоций» постепенно перестает быть малопопулярной дисциплиной (Троцук, 2021). Как могут гуманитарные науки вообще, и критические исследования пространства в особенности, иметь дело с аффективными переживаниями во время

исследовательских или других взаимодействий с географическим пространством? В чем их интересосубъективное значение?

Легко увидеть, что аффективные отношения с местностью двунаправлены. С одной стороны, местность вызывает у путешественников особые аффекты, а с другой — сам аффект, возникающий при посещении данной местности, является и целевой и движущей причиной посещения или путешествия.

Рефлексируя эти аффекты, путешественники могут узнать нечто существенное о себе самих. Хотя такая рефлексия не признается в качестве цели путешествий, она их сопровождает и, по-видимому, делает путешествия столь привлекательными. Для такой рефлексии используются ассоциации, аналогии с переживаниями архетипов и т. д.

Методики работы с аффектами — это основная тема обсуждаемой книги, для этого и нужна предложенная в ней *«ландшафтная аналитика»*. Это может быть, например, переживание особой близости к некоторой местности, воспринимаемой как уникальная и ценная именно в своей *неповторимой фактической данности*.

Вслед за И-Фу Туаном можно понимать переживание как *филию* — «топофилию» (Туан, 1977, 1990). Особое, специфически исследовательское видение преобразует местность в *ландшафт*. Методологический вопрос состоит в том, как совмещать рефлексию переживаний ландшафта с другими активностями. Например, исследовательскими задачами, ради решения которых и предпринято путешествие.

Феноменологию таких переживаний, в том числе столь же яркого, как топофилия³, привычнее искать в художественной литературе, а вот социальные исследования к ней довольно равнодушны. Когда-то, впрочем, географы и другие исследователи не цензурировали доходивший иногда до искреннего восхищения свой личный интерес к месту. В современной науке возвращение интереса к эмоциональной (аффективной) стороне отношений с географическим пространством выразилось в появлении новых подходов в исследовании пространственных феноменов и в методике репрезентаций этих феноменов (Шукин, 2008).

Можно представить себе, что некий ученый занят исследованием именно этого ландшафта, потому что тот ему нравится, волнует его и т. д. Туда хочется. Именно этот ландшафт лично значим. Такой аффект местности обычно остается за рамками академических описаний, хотя, пожалуй, всем он непосредственно знаком. Эта привычность и превращает его в обычный незначимый фон — казалось бы, кому какая разница, что именно чувствовал исследователь к данной местности, когда исследовал ее?.. Идея «топофилии» академически легализует эти переживания. Так становится понятнее, откуда берется интерес к исследованиям

---

3. Это понятие мимоходом использовал У.Х. Оден, но тогда оно не привлекло к себе внимания. В академический оборот введено Гастоном Башляром (Соболев, 2011; Stoddart, 1986). И-Фу Туан показал продуктивность применения этой абстрактной концепции в конкретных гуманитарно-географических исследованиях.

пространства и зачем они нужны. Зачем вообще как-то специально заниматься ландшафтом?.. Затем, что... именно эта местность лично почему-либо очень важна⁴.

«Ландшафтная аналитика» специально сосредоточена на этих переживаниях местности. При этом она разрабатывает и альтернативную феноменологию исследовательских путешествий.

Феноменология и методология теоретических путешествий в географии рассматриваются, в частности, В. Л. Каганским (он входит и в авторский коллектив этого сборника). В своей методологии теоретических путешествий он уделяет особое, хотя и не исключительное, внимание зрению (Каганский, 2018: 35). Это, безусловно, основной орган чувств любого исследователя пространства — зрение не что иное, как дистанция, протяженность, расстояние⁵. Но зрение всегда отвлекает видящих от них самих, зрение не-рефлексивно и даже антирефлексивно. Для исследования топофильского аффекта местности оно наименее всего подходит. Здесь требуется интроспекция.

Описанные в сборнике «терапевтические прогулки» и путешествия балансируют на грани гуманитарно-географического заинтересованного всматривания (но и вслушивания, вчувствования, внюхивания...) в местность и терапевтического «всматривания в себя». Разумеется, как путешествующий географ не может избавиться от самого себя и должен в какой-то мере постоянно интересоваться самим собой, так и психологический анализ проекций своих состояний на местности не лишает возможности любоваться, например, пейзажем и отличать особенности одних мест от других.

В рамках предложенного в книге подхода с его ориентацией на эмпирическое самопознание, психологический эгоцентризм «по очкам» переигрывает географический ландшафтоцентризм. Это предопределено тем, что инициатива всего проекта явно исходила от психологов.

«Ландшафтная аналитика», вопреки ее названию, сосредоточена на путешествующей самости и тоже не очень интересуется местностью — самим этим *путешествуемым* (термин В. Л. Каганского, см. ниже) ландшафтом. Его функция — воздействовать на путешествующих. Тем не менее «ландшафтная аналитика» интересна как трансдисциплинарный опыт исследования и практического использования внерациональных аспектов путешествия.

Прежде всего зададимся вопросом, какое место в этом методе отводится самому географическому пространству? С помощью «ландшафта» давно создаются самые разнообразные метафоры (Лавренова, 2013). Слишком уж он удобен в каче-

---

4. В такой прикладной сфере исследований пространства, как природоохранная география, также происходит переоценка аффектов: от отношения эстетической приязни — до глубокой преданной любви. Эта любовь переосмыслиется не только как одно из «добавочных» свойств некоторого данного конкретного ландшафта, которое может быть использовано, например, в природоохранной пропаганде, но как его важнейшее свойство, заслуживающее специального изучения, оценки и охраны (Davis et al., 2016).

5. «Видеть» означает *обладать на расстоянии...*» (Мерло-Понти, 1992: 19).

стве универсального образа для пространственного измерения любых явлений (Соболев, 2011: 153). Протяженность — атрибут материи, любая мыслимая протяженность превращается в ландшафт. В данном сборнике «ландшафт» также определяется по-разному. Для большинства авторов это скорее продуктивная метафора (об этом в предисловии пишет С. Березин (С. 8)). Она удобна тем, что выражает особенности некоторого конкретного пространства и одновременно герменевтические интенции его посетителей.

Составители и участники сборника, впрочем, обходятся без общего неметафорического определения «ландшафта». Только В. Л. Каганский, работая с феноменологией культурного ландшафта, вводит специальное определение: «объемный многокомпонентный комплекс поверхности Земли на природной основе, картируемый, районированный и путешествуемый» (С. 50). Особенно важен атрибут «*путешествуемость*». Ландшафт отличается этим от других объектов исследования — познавать его, значит путешествовать по нему. Только если под «ландшафтом» подразумевается именно эта данная местность, телесное взаимодействие с ней становится эпистемологической проблемой, решение которой может расширить и понимание ландшафта и понимание самого себя, тогда ландшафт — это не метафора. Телесное присутствие не может быть метафорой. *Путешествие должно быть путе-шествием, а не интеллектуальной метафорой*. Путешествовать — значит «быть в ландшафте», переживать его, коммуницировать с ним, о чем и идет речь в этой книге. Идея топофилии подразумевает, что предметом этой коммуникации может быть любовь (к «месту»). Она как осознанное переживание тоже поддается рационализации, однако в опыте путешественников все-таки остается еще что-то, момент какой-то переживаемой в этих отношениях трансформации.

«Ландшафт», о котором идет речь в теоретической части, — это «загородный», то есть пригородный культурный ландшафт. В нем всегда заметны преобразующие действия людей. Это важно, поскольку превращает все описываемые путешествия в неклассические, точнее, в постклассические. Речь идет о гетерогенной местности, находящейся где-то между городом и тем, что обычно опознается массовыми посетителями как «дикая» местность (wilderness). Такая местность легко досягаема и этим удобна для участников «психотерапевтических путешествий».

Разумеется, на обычную прогулку в «дикое место» уехать сложно, тем более из мегаполиса. Кроме того, хотя это реже становится предметом специальной рефлексии, большинство россиян только с пригородной местностью и имеют какое-либо непосредственное телесное знакомство⁶ («природный» ландшафт про-

---

6. «Опыт пространства есть у каждого, он обилен и разнообразен, но запечатан, как пещера Али-Бабы. Человеку, например, трудно принять даже ту мысль, что известный ему, как и большинству других россиян, в ощущениях и опыте ландшафт родины — в первую очередь ландшафт города (74% населения; для 67% населения — ландшафт крупного города, для 40% — ландшафт миллионного города), а не деревня с березками и тем более не камчатские вулканы с медведями» (Корандей, 2016).

тивопоставлен «городскому» в сборнике в статье О. А. Капцевич). Однако вполне очевидно, что существеннейшая характеристика «природной» местности — именно в ее «дикости». Современный человек ценит местность, в которой глаза и подошвы узнают исключенность из деятельности, в которой сразу же распознается ее не-искусственность. Именно это максимально привлекает многих из ищущих общения с «природой». И похоже, что именно не-антропогенные ее аспекты и объекты максимально полезны в терапевтических путешествиях. Какова роль не-культурного в «культурном ландшафте» путешествий и терапевтических прогулок? Некоторое колебание — что же в итоге понимать под «ландшафтом», заметно и в самой композиции сборника.

Тексты сгруппированы по четырем разделам: «Теория», «Практика», «Культура» и «Я» (можно было бы ожидать раздел «Ландшафт», но такого раздела нет). По мысли составителей, они соответствуют схеме «общей персонологии» целостного знания личности В. Петровского и Г. Старовойтенко — теория, практика, герменевтика (она же «культурная персонология») и самополагание (С. 6). В самой структуре сборника легко можно распознать вполне традиционную антропологическую программу его составителей — от «теории» к саморазвитию («Я») через присвоение пространства (С. 9). Хочу обратить внимание в первую очередь на пять теоретических статей первого раздела.

Составитель сборника С. В. Березин в программной статье «Пространство и время “я”» обращается сначала к анализу восприятия пространства в российской психологической традиции (у Н. А. Бернштейна, И. И. Ухтомского). Место нахождения, которое всегда пространственно-конкретно, «проецируется» в психику человека. По мысли автора, психика тоже обладает пространственным измерением. Субъективное пространство индивидуального «я» как модель воспроизводит это (присваиваемое) пространство, то есть именно конкретный ландшафт. А раз так, изменение этого пространства позволяет, по мысли автора, влиять на характеристики этого индивидуального «я». Они образуют систему «человек — ландшафт», в которой человек проецирует на ландшафт свои эмоциональные (аффективные) состояния, а особые элементы ландшафта (ландшафтные объекты) активизируют «эмоциональные переживания и смыслы вполне определенной направленности» (С. 16). Автор приводит пример такой активизации: это описание Алейдой Ассман обращения к культурной памяти в особых «ландшафтах воспоминания».

Для авторов сборника всякий ландшафт — это культурный ландшафт. Восприятие ландшафта, таким образом, опосредованно дважды: культурным (групповым) опытом и индивидуальными аффектами. В воспринимаемый ландшафт уже инвестированы индивидуальные психические состояния, поэтому он кажется уже насыщенным какими-то настроениями, состояниями, аффектами и фактически «становится для нас нашим альтер эго, не воспринимаемым как таковое» (С. 20-21). С этим «субъективированным» ландшафтом предлагается вступить в диалог посредством «сенсорно-двигательного контакта» (С. 25).

Для Березина как практического психотерапевта наиболее важен актуализирующий потенциал таких взаимодействий. Различные элементы природного рельефа откликаются на скрытые повседневной рутинной стороны существования.

Разумеется, это не «диалог» в обычном смысле этого слова. Это, скорее, беседа с особым образом подобранным зеркалом. Фактически предлагается психотехническая инструментализация ландшафта. При ней ландшафт уже перестает быть лишь метафорой, он возвращает себе, так сказать, материальную плотность поверхности земли. И тогда «путешествия становятся средством развития личности» (там же). Цель психотерапевта-организатора «ландшафтной аналитики» на этом достигнута. К сожалению, Березин не формирует здесь собственной концепции путешествия, хотя без нее не обойтись, как только заходит речь о специальной методике перемещений в географическом пространстве.

Наиболее целостным и в академическом смысле увесистым текстом является статья В. Л. Каганского «Очерк феноменологии культурного ландшафта» (С. 26-51). Она продолжает известные темы его многолетних полевых и теоретических исследований, в которых «концептуальному путешествию» принадлежит ключевая методологическая роль (Каганский, 2018). Статья посвящена разворачиванию понятия «культурный ландшафт» и прекрасно иллюстрирует его сложность, обусловленную особой сложностью самого предмета. Заметно, что она написана таким образом, что ландшафт остается исключительно объектом познания — для Каганского, ландшафт — это эпистемологическая проблема. Сравнение этого очерка с другими теоретическими и феноменологическими материалами в сборнике наглядно показывает различие двух представленных здесь подходов к ландшафту. Это либо рациональное, интеллектуализированное его познание, приносящее в перспективе академически значимые результаты, либо «диалог» с ним, приносящий результаты иного рода.

О. А. Капцевич в своем обзоре «Визуальная среда природы и города» исследует визуальное влияние городской среды. Современный город — это явная «не-природа», что в большинстве случаев означает явное визуальное отсутствие растительности и воды. Как такой «бесприродный» ландшафт влияет на состояние человека? Рассмотренные в статье исследования показывают, что любой вид или изображения, распознаваемые как вид «природы», действительно благоприятно влияют на психоэмоциональные состояния и когнитивные способности. Следовательно, известное стремление горожан к максимизации «природы» в городской среде имеет не только культурно сформированные эстетические причины, но и укоренено в некоторых психофизиологических особенностях. Более того, рассмотренные ею работы доказательно проясняют значимо-позитивную роль ландшафта, распознаваемого как «природный», в психическом благополучии человека. Полноценным видом из окна является вид, в котором есть какие-то узнаваемые элементы «природы», и это не эстетическая прихоть.

---

7. «Ландшафтная аналитика» разработана С. В. Березиным совместно с Д. С. Исаевым (С. 64).

А. С. Белорусец в статье «Символический диалог человека и мира в ландшафтной аналитике: путь от интроекции к интериоризации» прямо ставит вопрос о диалоге, который был лишь намечен выше у Березина. Он обращается преимущественно к роли *впечатления* как факта психической жизни в формировании личности и ее отношений с самой собой. Проникая в сознание, новое впечатление может его как-то изменить. Чтобы избежать дискомфорта, личность может зачищаться от преобразующего действия этого впечатления, и для этого существуют различные стратегии «формального обладания» вместо приобщения (С. 67). Автор статьи к ним относится критично, поскольку из-за стратегий копинга «личность отказывается принимать впечатление на свой счет» (С. 69) и как бы не замечает их. Автор тут следует критической логике известной дихотомии «Иметь или быть?» Эриха Фромма. Пример такого «обладателя» — турист, одержимый фотографированием. Отношение обладания не оставляет возможности для диалога. Белорусец противопоставляет избегающим стратегиям такого рода две психологические стратегии, которым способствует «ландшафтная аналитика».

Первая стратегия — *автоархеология*: не прямой самоанализ, состоящий в совместном обсуждении того, какие именно элементы ландшафта (они же «ландшафтные объекты» в терминологии Березина) стали источником особых впечатлений, что именно это позволяет узнать о себе? Психика получает от ландшафта ответы на вопросы, которых не задавала, автоархеология их ретроактивно распознает. Можно собрать коллекцию «символов своей жизни» в форме впечатлений от путешествия, правда, при этом пересекаемая местность со всей ее материальной конкретностью стремится превратиться в полностью символическое, лишь из культурных символов состоящее пространство⁸.

Вторая стратегия — это, собственно, *диалог*: между путешествующими (прогуливающимися) и ландшафтом, между ними по поводу ощущаемого пространства вокруг и, наконец, по поводу их общей с ландшафтом культуры. В диалоге достигается «соощущение ощущений» (по В. А. Петровскому (С. 73)). Принципиальна для автора возможность сохранения «зазоров» между впечатлениями и символическим значением вызвавших их элементов ландшафта, между личным опытом и коллективно переживаемой множественностью впечатлений. Эти «зазоры» и создают пространство возможностей для вероятных изменений. «Ландшафтная аналитика» тогда оказывается многоуровневым процессом, методически надстроенным над перемещением в физическом пространстве.

Автор уделяет особое внимание символике культуры, которую актуализирует ландшафт с его особыми объектами-символами. Причем для общения с ними еще нужно создать или освоить особый язык (С. 76). Заранее такой язык, точнее, коммуникативную среду (в этих случаях общение ведь бессловесно), не сконструировать, это происходит в самой ситуации диалога. Можно только сознательно

---

8. По этой причине, упоминая о пространственных перемещениях, я предпочитаю использовать не нагруженный культурологической и теоретической рефлексией «ландшафт», но более наглядную и менее подверженную проекциям «местность».

«туда» прийти — такое попадание «туда» и берется организовать ведущий прогулки «ландшафтных аналитиков». Эти объекты-символы, как бы обращающиеся к путешествующему, Белорусец называет аффордансами, определяя их как «воспринимаемые возможности, которые дает субъекту тот или иной объект» (С. 77). Природные объекты, взятые как аффордансы, особенно легко встраиваются в человеческие практики. В дупле можно укрыться от непогоды, из него удобно вести наблюдения и т. д. Можно увидеть в аффордансах своеобразные провокации определенного поведения, провокации раскрытия потенциально новой деятельности (как в концепции «провоцирующего ландшафта» (см.: Корандей и др., 2021)).

Аффордансы проявляют *несубъектную агентность* местности. Исторически разные ландшафты провоцировали разные логики их освоения, вызывали разные интеллектуальные ответы на то, что постфактум исследователь и определяет как аффорданс. Такая провокация — тоже возможность диалогического взаимодействия. Человек, как самоопределяющийся в пространстве агент, отвечает на нее, ответом становится развитие какой-то местной, районно-специфичной деятельности. Это не просто приспособление к природной среде, это творческое раскрытие потенциальных возможностей взаимодействия, на которые этот аффорданс как бы только намекает. Такое представление об аффордансах сформировалось в современной социальной экологии, полевой антропологии и в (концептуально более близких к тематике этого сборника) исследованиях туризма (Ackerman, 2019).

Белорусец указывает другое направление взаимодействия с аффордансами, и диалога с ландшафтом посредством их: самопознание. Но какой символизм предлагает ландшафт-аффорданс? Это должно бы стать предметом специальной «диалогической» феноменологии ландшафта — не терапевтической, а философской «ландшафтной аналитики».

Неожиданный такой ее пример обнаруживается в книге «Метамодерн в музыке и вокруг нее» Настасьи Хрущевой. Это панорамный обзор современной культуры, «глобализованной и локализованной» одновременно. Стремясь показать в ней место русской культуры, Хрущева выявляет нечто, именно этой культуре как-то по-особому присущее и связанное именно с особенностями русского ландшафта. Это особый аффект «русской пустоты» (чтоб ее визуализировать, Хрущева использует фотографии, размещенные в социальной сети в одноименном паблике). «Русская пустота» — широкое (=бескрайнее) пространство, идущая куда-то (в никуда?) дорога и настроение меланхолии. Это особый аффект, «состояние тоски, порождаемой невозможностью охватить бесконечное пространство как физически, так и мысленно» (Хрущева, 2021: 166). В этом аффекте в нем самоуничтожающее юродство восплаяет в красоту... созерцание такой «русской пустоты» само по себе эстетическая практика. Насыщенный «русской пустотой» ландшафт вводит созерцателя в этот особый аффект (который и есть базовый аффект метамодерна, по Хрущевой), и посредством него русским открывается нечто важное о них самих — в этой «пустой» местности рожденных и живущих.

Другой пример — «Родина» Оксаны Тимофеевой, где она описывает свои возвращения в поселки и город, где прошло и закончилось ее детство (Тимофеев, 2020). Они воспринимаются как места особого яркого переживания, которое тут же подхватывает авторская рефлексия и оформляется в сознании как аффект. «Мы еще прошли по тропинкам среди ржавых качелей и белых берез. Столько света, столько сияния и праздника в этой майской роще — я как будто вспомнила то, чего не было, и вот теперь оно у меня есть» (С. 16). Чтобы «это» случилось, нужно приехать именно туда, где возможен такой опыт возвращения домой. Притом что эти места уже не являются домом, они оставлены в прошлом и такое возвращение ни к чему авторку объективно не обязывает, она там никогда больше не будет жить. Само это возвращение — подчеркнуто произвольный жест, вызванный ее стремлением к самопониманию, требующему восстановить отношения с когда-то, в ранние периоды жизни, значимой местностью⁹. Во второй части книги Тимофеева дает альтернативное понимание понятия «Родина». При этом подразумевается, что эти размышления и стали возможны благодаря (узнаваемо топофиллическим) опытам этих возвращений в первой части.

Краткая статья Б. Б. Родомана «Ландшафт и личность: от присвоения к отдаче» рассматривает стадии отношения человека к «окружающей среде». Он считает их стадиями личного (духовного) развития, по аналогии со стадиями жизненного пути у С. Керкегора. Их вектор четко обозначен в заглавии: в результате накопления телесного опыта познания «окружающей среды» человек приходит к осознанному альтруизму (в том числе к стадии и отдаче ранее собранных, накопленных вещей).

Родоман специально указывает, что этот очерк написан по наблюдениям в походах и путешествиях, то есть он предлагает обобщение опыта взаимодействий с местностью, а не результат изучения специальной литературы (С. 82). Таким образом, его статья являет собой *de facto* феноменологию опыта путешествий, пример их возможного антропологического результата.

В контексте сборника этот очерк становится уместным переходом к собранию текстов другого рода: заметок и отчетов о личном опыте участия в «ландшафтной аналитике». Например, в качестве посредников путешествия выступают домашние животные (статья О. В. Конопельцевой об использовании собак (С. 83-94) и Е. А. Анисимовой о терапии с лошадьми (ипповенции) (С. 95-97)).

Описанные в сборнике «терапевтические прогулки» происходили в очень своеобразном месте — на (или *по?*) Самарской Луке, поэтому интересно было бы прочитать гуманитарно-географический очерк этого «хронотопа». В представленных эссе упоминаются местные топонимы и микротопонимы, движение в специфическом ландшафте (особенно примечателен очерк — «полевой дневник» психотерапевтической прогулки в феврале 2014 года «Зимняя ландшафтная аналитика» (С. 157-162), за авторством «И. Ф.»)). Уместна была бы возможность «наложить» эти описания на более-менее систематический «портрет» этой местности. И-Фу

9. Таков именно «интимный опыт места» (Intimate Experience of Place), по И-Фу Туану, того места, где прошло детство (Tuan, 1977: 136-147).

Туан считает, что «идентичность места постигается драматизацией вдохновений, потребностей, функциональных ритмов личной и групповой жизни» (Туан, 1977: 178). В этих прогулках подобная драматизация явно происходит без дополнительной режиссуры. Узнать бы, какая идентичность места предстает при этом участникам этой групповой жизни! «Ландшафтная аналитика» может позволить себе больше топофилии... что будет для нее, вероятно, означать привязку к определенным местам, лично значимым для исполнителей. Топофилия опять-таки предполагает отвлечение от своих переживаний, от рефлексии — в пользу местности в ее «таковости», явленной и переживаемой конкретности. Каковы личные отношения участников «прогулок» с Самарской Лукой? Какие аффекты она производит в них именно как Самарская Лука? Неясно...

Сборник завершается очерком И. О. Сиды «Одушевленный ландшафт: пролегомены к фитософии» (С. 232-249), в котором читатель наконец узнает, кроме всего прочего, смысл названия сборника. Сид пишет о возможности разговора. О том, как получить от ландшафта некие содержательные послания. «Одушевленность» ландшафта подразумевает наделение его некой субъективностью, без нее дальнейшие спекуляции о коммуникации с ландшафтом теряют смысл, хотя, казалось бы, самый интересный интеллектуальный вызов — именно в гипотетической возможности коммуникации с неодушевленным ландшафтом. Не замыкает ли избранная метафора «одушевленности» любой данный ландшафт в привычной субъект-объектной диалогической схеме?

У Сиды ландшафт как субъект репрезентируют растения. «Одушевленный ландшафт» в прямом смысле — это, конечно же, флора... растения, это душа ландшафта» (С. 236). Сид приводит имена тех, кого он считает создателями философии растений (фитософии) — это Мэтью Холл, Лоренц Окен, Владимир Библихин, Майкл Мардер, Даур Занатрия (С. 239, 241). Как включить ландшафт в коммуникативное сообщество? Это вопрос о методиках коммуникации с растениями. Сид предлагает любопытного коммуникативного посредника: зелья (психоактивные вещества растительного происхождения). Возможно, они являются каналом, через который растения как представители ландшафта передают нечто важное людям. Однако до сих пор они остаются неслышанными, поскольку люди слишком отвлекаются на обусловленные особенностями этого канала внешние эффекты. Однако, предполагает Сид, стоит уже наконец поговорить «о некоем растительном повороте в культуре и науке» (С. 247). Подразумевается именно поворот к коммуникации.

В фитософии Игоря Сиды, как исследовании практик общения с растительным миром, можно разглядеть параллели с «философским анимизмом» австралийки Вэл Пламвуд. Она стремилась преодолеть принципиальное для современного философского рационализма разделение разумных существ на людей (и всех прочих существ) и на предметы. Это разделение, фокус принципиальной критики экокфеминизма, Пламвуд считала метафизическим основанием современного потребительского «природопользования». Пламвуд противопоставляла свой «философский анимизм» в первую очередь религиозоведческому «анимизму» Чарльза Тэйлора, поскольку последний принципиально основан на той же метафизике.

Для нее же «философский анимизм» — это прежде всего образ жизни, основанный на преодолении этого разделения, признании существования других личностей и осознания себя внутри большого сообщества — в постоянном общении (Rose, 2013). Пламвуд ориентировалась на опыт австралийских аборигенов, Сид так же апеллирует к древнему, во многих культурах сохранившемуся опыту общения с растениями посредством употребления различных веществ растительного происхождения (айауаска у кечуа, обычное кофе у нас всех (С. 243)). Его интерес к фитософии — исследовательский, познавательный, то есть в конечном счете он остается в академических рамках. Пламвуд, напротив, стремилась к новой экологически релевантной этике, чтобы гармоничнее жить вместе с нечеловечески живыми существами. Но фитософия Сиды и философский анимизм Пламвуд сходятся в качестве философских альтернатив господствующим представлениям о природе. Это происходит, когда они ставят вопрос о возможности коммуникации с «той стороной», для чего необходимо увидеть в природе способного к общению и намеренного вступить в него субъекта.

В «ландшафтной аналитике» местность тоже будто бы говорит нам о нас же нечто важное, только надо решиться принимать это «местность говорит» всерьез, диалогически.

Итак, если мыслить «путешествие» как уникальную практику, нужно исходить из личного взаимодействия с пространством (ландшафтом) как основного содержания этой практики. Путешествующие используют свои тела как инструменты познания, при этом *путешествуемая* местность своими аффордансами воздействует на путешествующих, порождая в них разнообразные аффекты. Путешествующие оказываются в эпистемологически сложной и психологически (для многих) привлекательной ситуации телесного познания уникальной местности, и притом — самопознания «за счет» местности и благодаря ей. В этом взаимодействии играют роль, в частности, такие аффекты, как симпатия, привязанность, любовь к данной местности. Это взаимодействие можно понимать как диалог, если принять, что местность может каким-то образом обращаться к человеку: тогда путешествие есть коммуникативная практика. Гуманитарные географы, краеведы и другие специалисты по местности рутинно имеют дело с подобными аффектами местности. В рассматриваемом же сборнике представлен опыт психотерапевтического использования путешествий, который в конечном итоге может дать ответы о том, как путешествовать, зачем путешествовать и что при этом можно пережить.

Литература

- Белорусец А. С. (2021). Символический диалог человека и мира в ландшафтной аналитике: путь от интроекции к интериоризации // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя. С. 63–79.
- Белорусец А. С., Березин С. В. (2021). Обживая пространство между // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя. С. 5–10.

- Березин С. В.* (2021). Пространство и время «я» // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя. С. 11–25.
- Иванова А. Н.* (2015). Путешествия как потребность в самотрансценденции // Вестник Томского государственного университета. № 395. С. 51–59.
- Лавренова О. А.* (2013). Ландшафт как источник метафорической проекции // Культурная и гуманитарная география. Т. 2. № 2. С. 126–132.
- Каганский В. Л.* (2018). Путешествия теоретика // География и туризм. № 1. С. 33–44.
- Каганский В. Л.* (2021). Очерк феноменологии культурного ландшафта // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя. С. 26–51.
- Капцевич О. А.* (2021). Визуальная среда природы и города // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя. С. 52–61.
- Корандей Ф. С., Абрамов И. В., Костомаров В. М., Черепанов М. С., Шелудков А. В.* (2021). Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 247–257.
- Корандей Ф. С.* (2016). О любви к Родине. URL: <http://gefter.ru/archive/18178> (дата доступа: 20.02.2022).
- Мерло-Понти М.* (1992). Око и дух / Пер. А. В. Густыря. М.: Искусство.
- Назаров А. Н.* (2016). Путешествия как метод постижения бытия. М.: Университетская книга.
- Немцев М. Ю.* (2021). Семь фрагментов о гуманитарной географии, путешествиях и краеведении // Labyrinth: теории и практики культуры. № 1. С. 89–97.
- Родоман Б. Б.* (2021). Ландшафт и личность: от присвоения к отдаче // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя, 2021. С. 80–82.
- Сид И. О.* (2021). Одушевлённый ландшафт: пролегомены к фитософии // «Одушевлённый ландшафт» / ред.-сост. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб.: Алетейя. С. 232–249.
- Соболев Д. М.* (2011). «Топофилия»: Культурная география как жанр современной художественной прозы // Международный журнал исследований культуры. № 4 (5). С. 136–155.
- Тимофеева О. В.* (2020). Родина. М.: Сигма.
- Троцук И. В.* (2021). Как возможна социология эмоций и что она дает для понимания счастья и справедливости // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 3. С. 610–622.
- Хрущева Н.* (2021). Метамоdern в музыке и вокруг нее. М.: РИПОЛ Классик.
- Щукин В. Г.* (2008). Заветное «где». Топофилия и методы ее исследования // Вопросы философии. № 4. С. 69–90.
- Ackerman Joy W.* (2019). Meaning-making in the course of action: affordance theory at the pilgrim/tourist nexus // Tourism Geographies. Vol. 21. № 7. P. 405–421.

- Beery T., Ingemar Jönsson K., Elmberg J. (2015). From Environmental Connectedness to Sustainable Futures: Topophilia and Human Affiliation with Nature // *Sustainability*. Vol. 7. P. 8837–8854.
- Davis N., Daams M., van Hinsberg A., Sijtsma F. (2016). How deep is your love of nature? A psychological and spatial analysis of the depth of feelings towards Dutch nature areas // *Applied Geography*. Vol. 77. P. 38–48.
- Rose D. B. (2013). Val Plumwood's Philosophical Animism: attentive interactions in the sentient world // *Environmental Humanities*. Vol. 3. P. 93–109.
- Oliveira J., Roca Z., Leitão N. (2010). Territorial identity and development: From topophilia to terraphilia // *Land Use Policy*. Vol. 27. P. 801–814.
- Stoddart D. R. (1986). Topophilia // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 76. №2. P. 283.
- Thomas E. (2020). *The Meaning of Travel: Philosophers Abroad*. Oxford University Press.
- Tuan Y. F. (1977). *Space and Place: The Perspective of Experience*. Univ. of Minnesota Press.
- Tuan Y. F. (1990). *Topophilia—A Study of Environmental Perception Attitudes and Values*. Columbia University Press/Morningside Edition, New York.

The philosophy of travel, communication with locality, and 'landscape analytics'

A. Belorusetz and S. V. Berezin (eds.) *Spiritualized Landscape*. Moscow: Aleteya, 2021.

Mikhail Nemtsev

Senior Researcher, School for Environmental and Social Studies, University of Tyumen

Address: ul. Przheval'skogo, 37, korp. 16 Tyumen', Russian Federation 625053

E-mail: nemtsev.m@gmail.com

Philosophical discussions about travel can easily turn into an analysis of the thinking and self-consciousness of travelers. However, the philosophy of travel should not be distracted from the locality with its materiality aspects. The essential feature of travel is that it implies an affective interaction with the terrain. The interaction can be understood as a special kind of communication. Therefore it might be taken as the empirical basis for understanding travel not only as a research method, but also as a method of self-knowledge. The article discusses a collection of papers where such an experience of using travel in psychotherapy is developed in theory and conceived as a field test. This extensive understanding of the "journey" allows us to rethink the role of affects in the study of cultural landscapes. They turn out to be able to show a kind of activity, addressing travelers, and producing some personally valuable experiences (for example, the affect of topophilia).

Keywords: affect, affordance, cultural landscape, landscape analytics, philosophy of travel, travels, topophilia

References

- Ackerman Joy W. (2019) Meaning-making in the course of action: affordance theory at the pilgrim/tourist nexus. *Tourism Geographies*, vol. 21, issue 7, pp. 405–421.
- Beery T., Ingemar Jönsson K., Elmberg J. (2015) From Environmental Connectedness to Sustainable Futures: Topophilia and Human Affiliation with Nature. *Sustainability*, vol. 7, pp. 8837–8854.
- Belorusetz A. S., Berezin S. V. (eds.) (2021) *Odushevlyonnyj landschaft* [The Spiritualized Landscape], Saint-Petersburg: Aleteia.

- Belorusec A. S. (2021) Simvolicheskiy dialog cheloveka i mira v landshaftnoj analitike: put' ot introekcii k interiorizacii [Symbolical Dialogue between the Human and the World in Landscape Analytics: The Way from Introjection to Interiorization] «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 63–79.
- Belorusec A. S., Berezin S. V. (2021) Obzhivajaja prostranstvo mezhdu [Learning to live in the Space-between]. «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 5–10.
- Berezin S. V. (2021) Prostranstvo i vremja «ja» [Land Space and Time of "I"] «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 11–25.
- Davis N., Daams M., van Hinsberg A., Sijtsma F. (2016) How deep is your love of nature? A psychological and spatial analysis of the depth of feelings towards Dutch nature areas. *Applied Geography*, vol. 77, pp. 38–48.
- Ivanova A. N. (2015) Puteshestviya kak potrebnost' v samotranscendencii [Travelling as a need in self-transcendence]. *Tomsk State University Journal*, no 395, pp. 51–59.
- Kaganskij V. L. (2018) Puteshestviya teoretika [Theoretician Travelling]. *Geografiya i turizm*, no 1, pp. 33–44.
- Kagansky V. L. (2021) Ocherk fenomenologii kul'turnogo landschafta [An Essay on Phenomenology of Cultural Landscape] «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 26–51.
- Kapcevič O. A. (2021) Vizual'naja sreda prirody i goroda [Visual Environment of Nature and City] «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 52–61.
- Khuscheva N. (2021) *Metamodern v muzyke i vokrug nee* [Metamodern in Music and All Around], Moscow: RIPOL Classic.
- Korandei F. S., Abramov I. V., Kostomarov V. M., Cherepanov M. S., Sheludkov A. V. (2021) Provociruyushchie landschafty: issledovaniya povsednevnyh kul'turnyh landschaftov periferii aglomeracij [Provocative landscapes: a study of everyday cultural landscapes at the outskirts of agglomerations]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no 3(54), pp. 247–257.
- Korandei F. (2016) O lyubvi k Rodine [About Love for Motherland]. URL: <http://gefter.ru/archive/18178>.
- Lavrenova O. A. (2013) Landschaft kak istochnik metaforicheskoy proekcii [Landscape as the Source of Metaphorical Projections]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no 2, pp. 126–132.
- Oliveira J., Roca Z., Leitão N. (2010) Territorial identity and development: From topophilia to terraphilia. *Land Use Policy*, vol. 27, pp. 801–814.
- Merleau-Ponty M. (1992) *Oko i dukh* [L'œil et l'esprit]. (transl. by V. Gustyr'), Moscow: Iskusstvo.
- Nazarov A. N. (2016) *Puteshestviya kak metod postizheniya bytiya* [Travels as method of stuing being], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Nemtsev M. Yu. (2021) Sem' fragmentov o gumanitarnoj geografii, puteshestviyah i kraevedenii [Seven fragments about humanitarian geography, traveling and kraevedenie], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no 1, pp. 89–97.
- Rodoman B. B. (2021) Landschaft i lichnost': ot prisvoeniya k otdache [The Landscape and the Person: from Appropriating to Giving Away] «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 80–82.
- Rose D. B. (2013) Val Plumwood's Philosophical Animism: attentive interactions in the sentient world. *Environmental Humanities*, vol. 3, pp. 93–109.
- Schukin V. G. (2008) Zavetnoe «gde». Topofiliya i metody eyo issledovaniya [The promised 'where'. Topophilia and methods of its study]. *Voprosy filosofii*, no 4, pp. 69–90.
- Sid I. O. (2021) Odushevljonnyj landschaft: prolegomeny k fitosofii «*Odushevljonnyj landschaft*» [Spiritualized Landscape] (eds. A. S. Belorusec, S. V. Berezin), Saint-Peterburg: Aleteya, pp. 232–249.
- Sobolev D. (2011) «Topofiliya»: Kul'turnaya geografiya kak zhanr sovremennoj hudozhestvennoj prozy [“Topophilia”: Cultural Geography as a Genre of Contemporary Fiction]. *International Journal of Cultural Research*, vol. 4(5).
- Stoddart D. R. (1986). *Topophilia*. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 76, no 2, p. 283.

- Thomas E. (2020) *The Meaning of Travel: Philosophers Abroad*, Oxford University Press.
- Timofeeva O. (2020) *Rodina* [The Motherland], Moscow: Sygma.
- Trotsuk I.V. (2021) Kak vozmozhna sociologiya emocij, i chto ona daet dlya ponimaniya schast'ya i spravedlivosti [How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice]. *RUDN University. Sociology*, vol. 21, no 3, pp. 610–622.
- Tuan Y.F. (1977) *Space and Place: The Perspective of Experience*, Univ. of Minnesota Press.
- Tuan Y.F. (1990) *Topophilia—A Study of Environmental Perception Attitudes and Values*, Columbia University Press/Morningside Edition, New York.